

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 129

29 мая 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Г., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от ... № ... (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 05 марта 2025 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в одностороннем отказе, начиная с ..., от исполнения принятого на себя поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от ... по осуществлению ее защиты в судах апелляционной и кассационных инстанций;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе П. от ... (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Содержащаяся под стражей заявительница П., извещенная надлежащим образом, явку своего представителя в заседание Совета не обеспечила. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет

рассмотрел дело в отсутствие неявившегося заявителя жалобы и/или его представителя.

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая заключение Квалификационной комиссии, в заседании Совета пояснила, что с выводами Квалификационной комиссии согласна частично. Признав свою вину в отсутствии действий по удостоверению волеизъявления доверителя о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, вместе с тем не признала дисциплинарное обвинение в отказе от принятой на себя защиты. Полагает, что сама процедура по расторжению соглашения между доверителем и адвокатом не является обязательной в соответствии с п. 2 ст. 430 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Г., соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

... сын заявителя жалобы – П. заключил с адвокатом Г. Соглашение об оказании юридической помощи, согласно которому адвокат Г. приняла поручение по защите П. в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций (п. 1.2 Соглашения). По условиям Соглашения моментом окончания работы адвоката Г. является исполнение условий, предусмотренных п. 1.2 Соглашения.

Н. районный суд города Москвы вынес в отношении П. и других подсудимых обвинительный приговор. В этот день П. последний раз общалась с адвокатом Г. ... года адвокат Г. подала, по мнению заявителя, формальную апелляционную жалобу на указанный приговор, дословно использовав в ней содержание выступления П. в прениях. После этого П. не получала от адвоката Г. никакой юридической помощи. При рассмотрении апелляционной жалобы в Московском городском суде адвокат Г. участия не принимала, при этом она была надлежащим образом извещена о датах и времени судебного заседания, соглашение об оказании юридической помощи с ней не расторгалось, а причины своей неявки она суду не сообщала.

Заявительница П. выдвинула против адвоката Г. дисциплинарные обвинения:

в некачественном составлении текста апелляционной жалобы с дословным использованием в нем содержания ее (П.) выступлений в прениях;

в отказе от принятой на себя защиты, выразившемся в неучастии в судебном заседании Московского городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката Г. и неоказании иной юридической помощи после подачи апелляционной жалобы.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Г. в описанной ситуации, Совет исходит из следующего.

В соответствии с предметом Соглашения адвокат Г. приняла на себя обязательство оказывать следующую юридическую помощь:

- осуществлять защиту П. в Следственном комитете России по уголовному делу;

- участвовать в судебных заседаниях по продлению или изменению меры пресечения в отношении П. в рамках уголовного дела. В случае несогласия с вынесенным судом постановлением по этим вопросам составить и подать апелляционную, кассационную жалобы;

- осуществлять защиту П. при рассмотрении уголовного дела в суде первой, апелляционной, кассационной инстанций.

Рассматривая довод заявителя о том, что адвокат Г. не участвовала в судебном заседании суда апелляционной инстанции, и довод адвоката Г. о том, что она не была уведомлена об этом судебном заседании, Совет отмечает, что согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам № 01/18 «По вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 16 февраля 2018 (протокол № 1)) во взаимосвязи с положениями п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной деятельности адвоката, устанавливающими обязанность адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, имея в производстве несколько дел от доверителей, адвокат, не дожидаясь официального уведомления суда о назначении судебного заседания, обязан следить за их движением и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний в целях исключения назначения их на одну дату.

Довод адвоката Г. о состоявшемся 16 апреля 2024 года расторжении П. соглашения с адвокатом Г. об оказании юридической помощи Совет отклоняет как несостоятельный, не основанный на обстоятельствах дела и требованиях законодательства. Так, согласно п. 1.7 Соглашения «окончанием работы Адвоката по настоящему Соглашению является выполнение Адвокатом условий Соглашения п. 1.2». В силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом. Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения п. 2 ст. 430 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 430 Гражданского кодекса Российской Федерации, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Таким образом, расторжение 16 апреля 2024 года П. соглашения с адвокатом Г. об оказании юридической помощи в интересах третьего лица – П. само по себе не влекло за собой прекращение действия указанного соглашения, которое после получения согласия заявителя П. на участие адвоката в уголовном деле могло быть расторгнуто только с ее согласия, выраженного и зафиксированного в наиболее достоверной форме, исключающей разумные сомнения. Однако доказательств наличия такого согласия П. в материалы дисциплинарного производства не представлено, в то время как сама она этот факт отрицает, утверждая, что соглашение не расторгалось и согласие на его расторжение не давалось.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Г. допустила дисциплинарный проступок, выразившийся в том, что получив от доверителя, с которым было заключено соглашение, уведомление об одностороннем отказе от исполнения поручения по осуществлению защиты в суде апелляционной инстанции, не получив от лица, которому оказывает юридическую помощь в виде защиты по уголовному делу – П., согласия на прекращение ее защиты, прекратила ее осуществление, чем нарушила право П. на защиту.

В силу п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат, принявший по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе.

Как указано выше, адвокат Г. приняла поручение на осуществление защиты заявителя как на стадии досудебного производства, так и в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций. Таким образом, адвокат Г. заведомо знала о наличии у нее такого обязательства, но не исполнила его, прекратив осуществление защиты П. после подачи апелляционной жалобы, не явившись в судебное заседание по ее рассмотрению.

Совет также отмечает непоследовательность позиции адвоката Г., которая вначале утверждала, что не была надлежащим образом уведомлена о рассмотрении Московским городским судом ее апелляционной жалобы, а затем сообщила, что 16 апреля 2024 года она подписала с сыном заявителя жалобу Соглашение о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи, в связи с чем у нее больше не было обязанности оказывать П. юридическую помощь. При этом, как указано выше, оба эти довода адвоката Г. несостоятельны.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой в части данного дисциплинарного обвинения, а ее умышленную вину в совершении

дисциплинарного нарушения – установленной.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в некачественном (формальном) составлении адвокатом Г. апелляционной жалобы, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о его необоснованности и неконкретности, поскольку заявителем не указано, в чем именно выражается формальность составления апелляционной жалобы. Доказательств нарушения адвокатом Г. каких-либо требований уголовно-процессуального закона к содержанию апелляционной жалобы заявителем также не представлено.

Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты не подведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Такие споры между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил оказания юридической помощи и расторжения соглашения о ее оказании. Подобное поведение адвоката Г. при исполнении профессиональных обязанностей, повлекшее существенное нарушение права доверителя на защиту, Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Г. имеет значительный стаж профессиональной деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, нарушение частично признала, является матерью-одиночкой и имеет на иждивении несовершеннолетних детей. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») профессиональной обязанности постоянно совершенствовать свои знания, повышать профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в одностороннем отказе, начиная с ..., от исполнения принятого на себя поручения по Соглашению об оказании юридической помощи от ... по осуществлению ее защиты в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе П. от ... (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков